

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В БЕЛАРУСИ в начале XX ст.

В начале XX в. Беларусь, являясь аграрным регионом России, характеризовалась невысоким уровнем развития капитализма. Несмотря на быстрый рост промышленности, превышающий темпы в России, доля промышленного производства к 1913 г составляла здесь 25 процентов (против 42 — в России). Лишь около 9 процентов населения Беларуси было занято в сфере промышленного производства, примерно 5 процентов занимались торговлей. Более 80 процентов жителей Беларуси были связаны с сельскохозяйственным трудом. А в некоторых губерниях процент сельского населения был еще выше [1].

Отличительными чертами сельскохозяйственного производства Беларуси являлись: отсутствие достаточного количества плодородных почв, лесистость и заболоченность земель; по форме землепользования — большой по сравнению с другими территориями удельный вес помещичьего землевладения, отсутствие в Западной Беларуси общинного землепользования; по социальному составу — подавляющее большинство сельского населения и преобладание среди него малоземельных крестьян.

В начале XX ст. пригодная для обработки земля в Европейской части России разделялась следующим образом: из общих 280 млн дес. 138,8 дес. составляли наделные земли, 39,5 млн дес. — казенные и государственных и учреждений и только 101,7 млн дес. — частновладельческие. В Беларуси по сравнению с Россией процент частновладельческих земель был выше. Они составляли 57% (10,4 млн дес.) из общих 18,2 (6 млн дес.) общей земли, государственные, церковные и др. — 9,8% (1,8 млн дес.). Площадь крестьянского надела в Беларуси колебалась по губерниям и составляла в среднем 10,2 дес. В то время как для самостоятельного ведения хозяйства в условиях Беларуси требовалось 15—20 дес. земли, в целом по региону более 42% крестьянских дворов имели надел не превышавший 8 десятин на каждое хозяйство [2].

В то же время и сама Россия по сравнению с развитыми европейскими государствами и США была страной "догоняющего типа". Поэтому как в России, так и в Беларуси сложилась такая историческая ситуация, которая получила название "наложение исторических эпох". Она и обусловила переплетение трех групп противоречий: феодальных (между крестьянами и помещиками), переходных от феодализма к капитализму (между социальными слоями буржуазного общества и остатками феодализма и абсолютизма) и чисто капиталистических (между трудом и капиталом). В Беларуси эти противоречия усиливались нерешенностью национальной проблемы. К началу XX в. белорусы, не имея своей государственности и находясь в рамках многонационального Российского государства, активно включились в борьбу за свое социальное освобождение. В центре этой борьбы постоянно находился аграрный вопрос. Его нерешенность определяла уровень жизни белорусского народа, объясняла характер складывающихся в Беларуси противоречий, в значительной мере влияла на политическую ситуацию в белорусском обществе.

Сельское хозяйство Беларуси к началу Февральской революции находилось в упадке. Если непосредственно перед войной наметилось некоторое его оживление на капиталистической основе, то начавшаяся империалистическая

война нанесла колоссальный урон производительным силам села.

Белорусская деревня потеряла сотни тысяч работников, мобилизованных в армию и на принудительные работы за годы войны, более 2,7 млн. рабочих лошадей. Только из Могилевской губернии в армию было мобилизовано 50,7%, а из Витебской – 52,2% всех трудоспособных мужчин [3]. Проведенная в 1917 г. перепись показала, что в белорусских губерниях от 30 до 40% всех хозяйств осталось без работников [4]. За годы войны на не оккупированной немцами территории посевная площадь ржи уменьшилась на 47%, овса и ячменя – на 53%. Урожайность снизилась на 25–30%. По сравнению с 1913 г. к концу 1916 г. цены на хлеб повысились на 200% [5].

Характерной чертой аграрных отношений в Беларуси оставалось сохранение господства крупного землевладения. В Беларуси 3522 крупным помещикам принадлежало около 8,7 млн десятин лучшей земли, или в среднем по 2500 десятин на каждое имение. Многие помещики, особенно в Минской и Могилевской губерниях, владели сотнями тысяч десятин земли [6]. К началу Февральской революции крупным помещикам принадлежало 36,1% всех земельных площадей [7].

На долю 736 885 крестьянских дворов надельной земли приходилось 7 млн 954 тыс. десятин, что более чем на полмиллиона десятин меньше того, чем владели помещики. На каждый двор в среднем приходилось по 10,8 дес. земли. Значительное число крестьянских дворов вовсе не имели земли. Безземельные крестьяне пополняли сельский пролетариат. Проходил процесс "вымывания" среднего крестьянства. Крестьяне, в основном бедные слои, облагались различными поборами. Им ежегодно приходилось платить 50 млн р. за аренду пахотной земли. Налоги и повинности отнимали 60% их дохода [8].

Крестьянство, составлявшее накануне Февральской революции 1917 г. подавляющее большинство населения Беларуси, страдало не только от социального, но и от национального гнета. Запрещение преподавания в школах родного языка вызывало бурные протесты в деревне. Выступая в защиту своих прав, крестьяне становились союзниками других слоев белорусского общества в борьбе с пережитками феодализма. Они добивались прежде всего радикального решения аграрного вопроса.

Острота аграрного вопроса определяла повышенное внимание к нему со стороны всех политических сил в белорусском обществе. После Февраля 1917 г. аграрный вопрос в Беларуси предстал перед всеми политическими партиями и организациями в новом виде, оказался переплетенным и неразрывно связанным с другими острейшими экономическими, социальными и политическими проблемами: национальной, войны и мира, продовольственного кризиса, общей хозяйственной разрухи и, в конечном счете, с важнейшей и решающей проблемой – проблемой характера власти в Беларуси после революции.

Новизна исторической обстановки этим не исчерпывалась. После Февраля 1917 г. все перечисленные вопросы, и среди них аграрный, должны были решаться при новой расстановке политических сил в белорусском обществе.

В результате победы Февральской революции в Беларуси, как и по всей стране, явно проявилась поляризация общественных сил – рабочего класса и беднейшего крестьянства с одной стороны, буржуазии и помещиков – с другой. В Беларуси в первые месяцы после революции обозначилась противостояние различных политических лагерей.

Политические силы концентрировались главным образом вокруг двух противостоящих лагерей – революционно-пролетарского возглавляемого большевиками и либерально-буржуазного, лидерство в котором принадлежало партии кадетов. Между ними шло накопление сил и в демократи-

ческом лагере, основу которого составляли эсеры, меньшевики, белорусские национально-демократические партии и организации. По коренным вопросам революции (о власти, аграрному, национальному и др.) их позиции расходились. Каждая политическая сила по-своему видела пути и методы решения этих вопросов. Понимание было в одном – необходимости разрешения проблем, доставшихся в наследство от самодержавия. Особенно остро воспринималась необходимость решения земельной проблемы.

В обстановке революционного подъема, нетерпимости народных масс Либерально-буржуазные и демократические организации понимали необходимость реформирования земельных отношений, стремились объединить свои силы и направить революционное движение в русло организованных реформ, а решение аграрного вопроса по конституционному пути. При этом они, в противовес социалистическим партиям, добивались сохранения частной собственности на землю. Вопрос же о верховном собственности земли откладывался ими до Учредительного собрания.

В Беларуси, как и во всех национальных регионах страны, после Февраля 1917 г. стал формироваться либерально-демократический блок, целью которого было ограничение революции демократическими рамками. Политические организации, входившие в этот блок, стремились обеспечить единовластие Временного правительства, ограничить максимализм и радикализм большевиков.

Повышенное внимание к аграрному вопросу всех партий и организаций, действовавших в Беларуси после Февраля 1917 г., объяснялось степенью его нерешенности, обострением социальных и экономических противоречий в белорусской деревне. Среди крестьянства, наиболее многочисленной категории общества, все более зрело недовольство существующим положением дел. Аграрный вопрос во многом определял расстановку политических сил в белорусском обществе. От его разрешения зависели сила и успех любой партии.

Господствовавший долгое время в официальной историографии тезис, что большевики являлись единственной движущей силой общественного развития в послефевральский период времени, явно требует переосмысления. Предлагаемые демократическими партиями, отличные от большевистских постепенные, конституционные методы решения острейших социально-экономических проблем, в том числе и аграрной, отвечали уровню развития общества. Кадеты, эсеры, меньшевики, белорусские национально-демократические партии и организации имели свою программу действий, располагая поддержкой определенных слоев белорусского общества.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации. (ГА РФ) Фонд Р- 5875 с. – Оп.1. – Д. 12. Л. 24.; ГА Могилевской области. Ф.1. – Оп.1. Д. –1. Л. 143–144
2. *Мартюхова, М.А.* На перевале революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью Государственной Думы в России (август 1905 – июль 1906) / М.А. Мартюхова. – Мн., 1986. – С. 106–107.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд. 323. – Оп. 1. – Д. 1070. – Л. 2.
4. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1925. – С. 21; Крестьянское движение в 1917 г. – М., 1928. – Т. 2. – С. 38.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – (НАРБ). – Фонд. 60. – Оп. 1. – Д. 545. – Л. 22.
6. Статистика землевладения. – 1905. – Вып. 13, 19, 27. – СПб., 1906. – С. 10–11; 1917 год в деревне: (Материалы и документы). – М. – Л., 1929. – С.132.
7. *Игнатенко, И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Мн., 1986. – С. 9–21.
8. Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 4. – С. 73; НАРБ. – Фонд. 62. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 110.